

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ф. А. Лукьянов, А. И. Миллер

Идея о том, что нам важно понимать, как тема Второй мировой войны функционирует в коллективной памяти неевропейских стран, витала давно и в среде специалистов по международным отношениям, и среди тех, кто занимается изучением политики памяти. Кооперация журнала «Россия в глобальной политике» и Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета позволила наконец подготовить первый квалифицированный обзор и анализ этого проблемного поля. Большинство авторов данной коллективной монографии скорее специалисты-страноведы и/или специалисты в сфере международных отношений, и именно с этой перспективы они смотрят на политику памяти о Второй мировой войне в различных странах Азии, Африки и Латинской Америки. Вопросы для участников авторского коллектива были сформулированы в русле исследовательской повестки *memory studies*, с упором на роль политики памяти в международном позиционировании той или иной страны и в ее внутренней политике¹. Традиционная формула, что «книга будет интересна широкому кругу читателей», в данном случае должна пониматься буквально — и специалисты по международным отношениям, и политологи, и культурологи, и историки, и исследователи политики памяти как междисциплинарного поля — все найдут в этой книге много полезной информации и пищу для размышлений. Во всяком случае, обоим авторам настоящего введения, специалисту-международнику и историку, занимающемуся исследованиями политики памяти, было очень интересно читать то, что получилось.

Вторая мировая война определила всю международную политику второй половины XX и начала XXI в. Международный порядок, созданный по ее итогам, оказался весьма устойчивым и позволил избежать нового всеобщего

¹ См.: *Langenbacher E., Shain Y. Power and the Past. Collective Memory and International Relations. Washington: Georgetown University Press, 2010.*

столкновения, хотя противоречия между ведущими державами, недавними союзницами, начали нарастать немедленно после победы над Германией и Японией. Тем не менее институты, созданные после войны странами-победительницами и принятые большинством человечества, три четверти века удерживают мир от сползания к глобальному столкновению. Помимо системы институтов и фактора ядерного оружия, основой стабильности служили и общие, не противоречащие друг другу трактовки характера итогов Второй мировой войны. Они создавали морально-этическую основу международного взаимодействия. По крайней мере, так можно было сказать до начала 2022 года, когда тематика, связанная с событиями первой половины прошлого столетия, буквально ворвалась в международную политику. События на Украине по своему нарративу («денацификация», «декоммунизация») уже отсылают к идейно-политическим конфликтам относительно отдаленного прошлого. А западная реакция на них, связанная с попыткой просто исключить Россию из круга ответственных международных игроков, наносит удар по всей мировой системе, берущей начало в итогах Второй мировой.

Образ «общей победы», который было принято поддерживать даже в самые мрачные времена холодной войны, сейчас окончательно размывается. Конечно, в коллективной памяти многих стран доминирующий нарратив Второй мировой войны и прежде зачастую не находил поддержки, но на международную арену такие разногласия, как правило, не выносились. Державы-победительницы, главные создатели и спонсоры этого доминирующего нарратива Второй мировой войны и ее последствий, всю вторую половину XX в. занимались его толкованиями, которые по-разному делили вклад в победу и оценивали различные события войны. Однако общая интерпретационная рамка сохранялась.

События последних десятилетий изменили атмосферу мировой политики, эти изменения достигли кульминации в 2022 году. Споры об интерпретации Второй мировой теперь затрагивают ключевые элементы этого нарратива. Они стали следствием перемен в Европе — окончания ее раздела, выхода на первый план сначала восточноевропейского фактора, а затем новой конфронтации с Россией. Полемика о прошлом вышла далеко за рамки исторических споров, превратившись в стержень актуального политического противостояния.

Спор, ведущийся между Россией и Западом, на виду, однако параллельно происходят другие процессы, возможно более важные для будущего международной системы. Доминирующая роль евроатлантического сообщества в мире уступает место гораздо более диверсифицированной системе. Конечно, мощным катализатором является превращение Китая в сверхдержаву. Вместе с ростом экономической и военно-политической мощи КНР неизбежно будет расширяться и присутствие на мировой арене китайского взгляда на историю и современность, а этот взгляд является продуктом со-

всем другой культуры и исторического опыта. Но дело не только в подъеме Китая.

Уход прежней системы означает появление менее упорядоченной, более плюралистической картины мира, в формировании которой будут участвовать многие международные игроки. Включая тех, мнение которых до недавнего времени не принималось во внимание ведущими акторами. Прежде всего это касается бывшего «третьего мира», взгляд которого на историю определяется отношением к прежним колонизаторам или державам, в сферу влияния которых соответствующие страны входили. С таких позиций история Второй мировой войны выглядит не так, как ее представляли или представляют себе государства-победители. А учитывая центральное значение итогов Второй мировой для существовавшего до сих пор мироустройства, глубокие разночтения в их толковании напрямую воздействуют на дееспособность институтов глобального управления и на планы по их реформированию. В частности, на идущие сегодня интенсивные дискуссии о преобразовании такого ключевого института, как Совет Безопасности ООН. Реакция незападного мира на российскую военную операцию — в основном нейтральная и отстраненная — наглядно показала, насколько иначе бывший «третий мир» видит события, которые вызывают бурю на Западе.

Общий антиколониальный пафос, ранее свойственный именно бывшим колониям, сейчас получает распространение и в бывших метрополиях. Во всяком случае, интерпретация и преподавание истории без «постколониального» компонента становятся все менее допустимыми в ведущих западных университетах. Если такая тенденция продолжится, она будет означать переосмотр взгляда на многие политические события, явления и процессы.

Политическая и экономическая фрагментация мира сопровождается распространением этического плюрализма. Тем более что укрепление национальных идентичностей повсеместно рассматривается как залог государственной устойчивости и наиболее эффективный способ консолидации населения перед лицом внешней неопределенности, которая, вероятнее всего, будет господствовать в международных делах долгое время. Национализация памяти о Второй мировой войне превратилась в безраздельно господствующую тенденцию, захватывающую и все страны постсоветского пространства, включая и Россию.

В России отстаивание нарратива Великой Отечественной войны стало в последние годы несущей конструкцией всей государственной политики — и внутренней, и внешней². Основная линия противоречий — с Европейским союзом, где постепенно верх берет восточноевропейский подход и тезис о положительной роли СССР во Второй мировой войне меняется на нарратив о двух тоталитаризмах, несущих равную и исключительную вину

² Bækken H., Enstad J. D. Identity under Siege: Selective Securitization of History in Putin's Russia // The Slavonic and East European Review. 2020. Vol. 98. N 2.

за развязывание войны и за все ужасы XX в.³ При этом в России многие полагают, что ревизионизмом занимаются именно государства расширившего свои границы коллективного Запада, а страны не Запада являются потенциальными союзниками России в борьбе против навязывания предвзятой системы оценок и представлений⁴.

Однако на практике оказывается, что сам по себе факт незападной трактовки причин, хода и итогов Второй мировой войны отнюдь не означает близости к российской позиции. Точнее, в каких-то аспектах это может быть так, но у каждой нации, естественно, формируется набор постулатов, максимально отвечающих задачам текущей внешней и внутренней политики. И в ряде случаев оптимальной становится позиция отстраненности, позиционирования себя как жертвы экспансионистских интриг всех крупных держав. А российская установка на сохранение образа той войны как битвы добра с абсолютным злом в прикладном плане остается невостребованной.

Понять картины прошлого, которые существуют у большей части человечества, живущей за пределами Европы, крайне важно, потому что при создании новой расстановки сил на международной арене они будут играть решающую роль. По мнению многих исследователей международных отношений, их структура в предстоящие десятилетия будет кардинально отличаться от схемы, к которой все привыкли при Ялтинско-Потсдамской системе и попытках ее трансформации после холодной войны. Иными словами — от системы, базирующейся на ключевой роли международных институтов. Характер взаимодействия государств будет напоминать более ранние эпохи, когда культурно-историческая идентичность являлась одним из определяющих критериев политического поведения.

Для России Вторая мировая война останется основополагающим историческим событием, этическим фундаментом всей российской политики. Но при проектировании российской политики памяти на международной арене необходимо понимать, как это будет вписываться в международный контекст и как можно адаптировать ее к тем условиям, когда прежний базовый консенсус разрушен, когда произошли национализация и фрагментация нарратива Второй мировой войны и ни одна страна в мире не разделяет в полной мере российский нарратив Великой Отечественной войны. Материалы этого сборника показывают, что ставка только на защиту близкого нам нарратива борьбы добра с абсолютным злом может быть полезной для политики

³ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1. С. 111–121; Ghodsee K. A Tale of “Totalitarianisms”: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism *History of the Present* // *A Journal of Critical History*. 2014. Vol. 4. N 2. P. 115–142.

⁴ Этот подход уже находит свое воплощение во флагманских проектах российской политики памяти. Рядом с главным храмом Вооруженных сил, открытым в 2020 г., предусмотрена «Аллея союзников». Ее сооружение еще не вполне завершено, но на начало 2022 г. в ней отражены два союзника СССР во Второй мировой войне — Китай и Монголия.

идентичности внутри страны, но вряд ли окажется продуктивной на международной арене. Вопрос о том, какой должна быть политика памяти России на международной арене, чтобы быть эффективной, предстает весьма сложным и без очевидного ответа.

Авторы большинства глав этой монографии рассматривают как современное состояние коллективной памяти той или иной страны, так и траекторию эволюции этой коллективной памяти в предыдущие десятилетия. В целом ряде случаев авторы резонно сочли нужным напомнить читателям, каким образом население и территория тех или иных стран (многие из которых не существовали в то время как независимые государства) были затронуты событиями Второй мировой войны.

Читатель несомненно обратит внимание, что в некоторых главах рассматривается политика памяти в самом широком смысле, а иногда анализ фокусируется на публичной истории, порой почти исключительно на профессиональной историографии. Это объясняется, прежде всего, не разницей исследовательского подхода, но различиями в том месте, которое в разных странах тема Второй мировой войны занимает в политике и в общественном сознании. Далеко не везде она центральная, в некоторых странах практически отсутствует в публичной сфере.

Перечень стран, рассмотренных в монографии, конечно, не является исчерпывающим. В каких-то случаях выбор диктовался тем, что нам не удалось вовремя привлечь соответствующих экспертов. По этой причине в книге нет, например, глав об Индонезии и Малайзии. В других случаях мы вынуждены были исключать те или иные группы стран из-за ограничений объема. Так, в монографии нет стран англосаксонской семьи — США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Но о политике памяти в этих странах заинтересованному читателю узнать намного легче. В книге нет стран, возникших на постсоветском пространстве, — притом что эта тема весьма важна и заслуживает внимательного изучения. В книге нет главы об Израиле — но о памяти о Второй мировой в этой стране уже написано очень много. При всех этих ограничениях монография впечатляет широтой охвата — ее одиннадцать глав расскажут читателю о памяти о Второй мировой войне в Японии, Китае, двух Кореях, Монголии, Индии, Иране, Турции, странах арабского мира, у африканских народов, а также в странах Латинской и Центральной Америки — Бразилии, Аргентине, Парагвае и Мексике.

Пока книга готовилась к печати, скончался Григорий Григорьевич Косач, автор главы о памяти о войне в арабском мире. Редакторы книги очень признательны Артему Александровичу Красину, арабисту, аспиранту филфака МГУ, оказавшему помощь при подготовке этой главы.